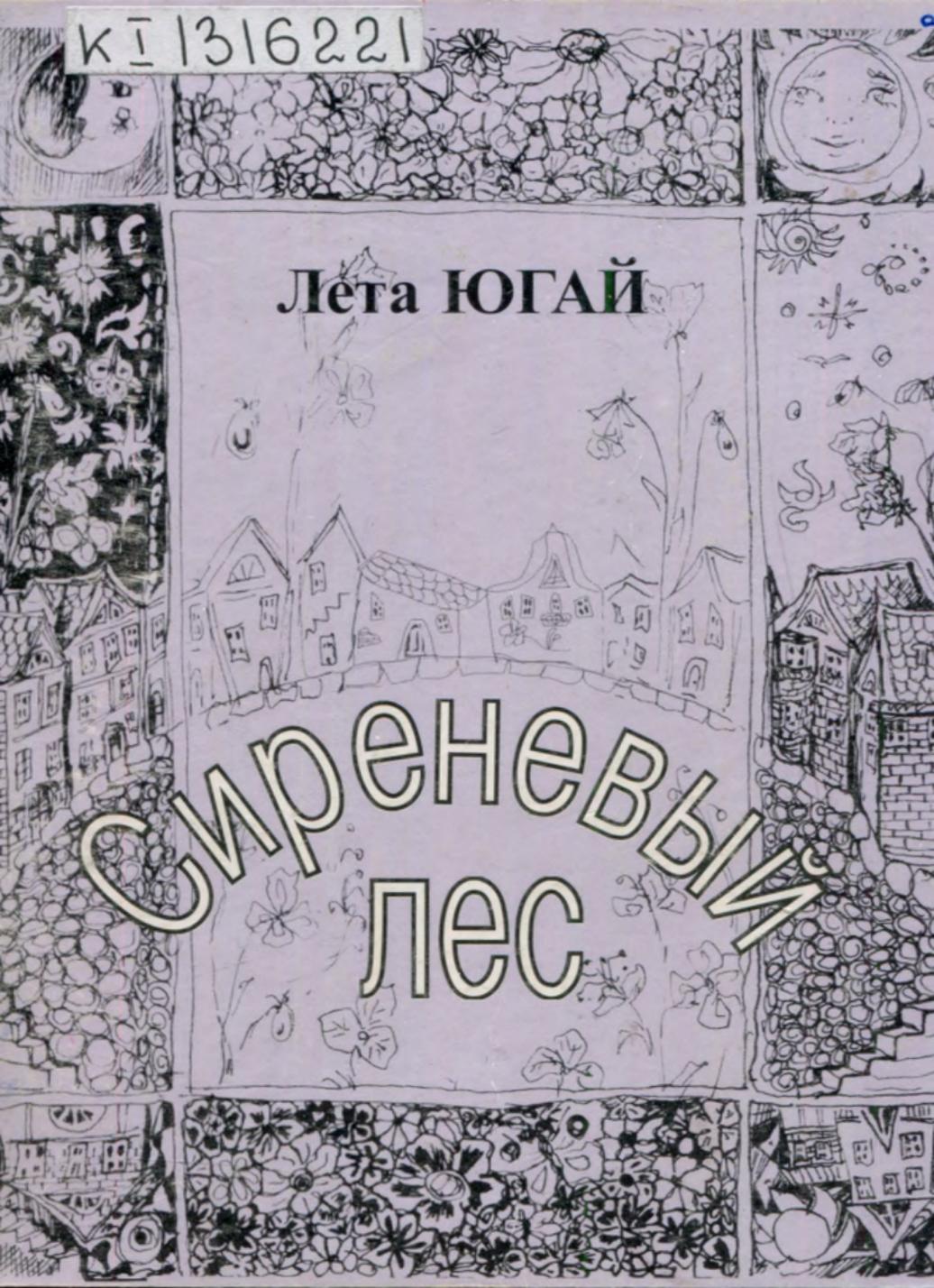

КІ 1316221

Лета ЮГАЙ

Сиреневый
лес

Лета ЮГАЙ

Сиреневый
ЛЕС

Стихотворения. Рисунки

Вологда

«Книжное наследие»

2001

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Ю 15

ISBN 5-86636-134-5

© Югай Е. Ф., автор, 2001
© Югай Е. Ф., художник, 2001

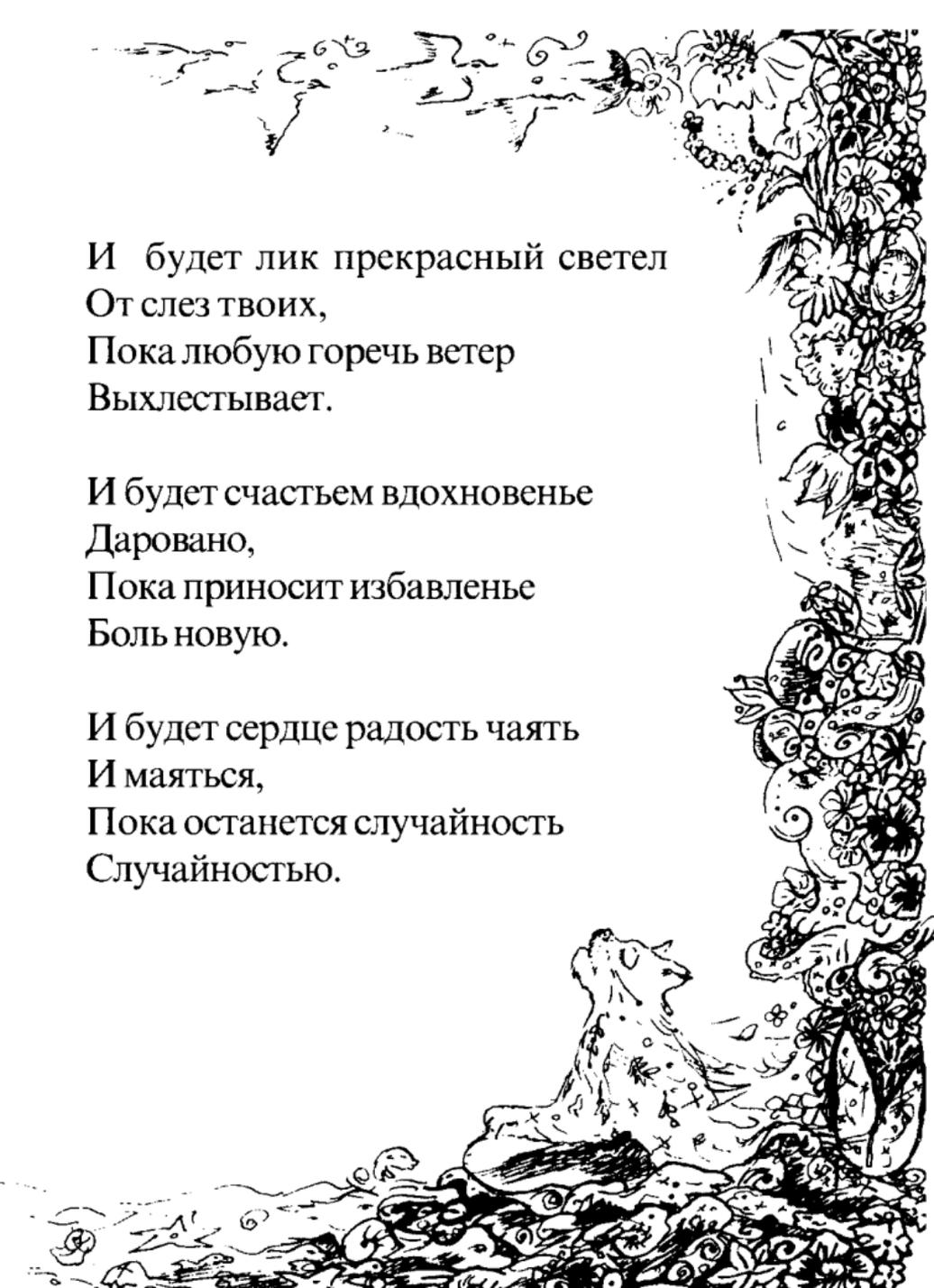

*Я нарисую мраморного дога
И лес печальный гаснущей сирени.
В предверье сумерек легка дорога
И осторожны бархатные тени.
Я нарисую чуткую Агату
В лучах прощальных
меркнувшего лета.*

*Мы побредем
в созвездьях гравилата,
Примеривая серьги бересклета.*

И будет лик прекрасный светел
От слез твоих,
Пока любую горечь ветер
Выхлестывает.

И будет счастьем вдохновенье
Даровано,
Пока приносит избавленье
Боль новую.

И будет сердце радость чаять
И маяться,
Пока останется случайность
Случайностью.

И снова мы проходим мимо.
Прощайте, городские стены!
Судьбою вечной пилигрима
Мы этой властью обличены.
Нам голос дан, чтоб петь и плакать,
Чтоб славить рыцаря и деву
И пронести сквозь зной и слякоть
Служенье старому напеву.
Нам счастье – высший дар от Бога-
Чету Влюбленных видеть в яви,
Боль бесприютную дороги
И радость гимна древней славе.
И боле ничего не нужно.
Нас позабудут. – Сны нетленны.
Мы их проносим в даль и в стужу
Прощайте, городские стены.

Пьеро

*Артисты бродячие
За грош – представленья.
Спешите все зрячие
И чуткие к пенью.*

*Спешите, спешите
И публикой будьте.
А после – простите,
Забудьте, забудьте...*

*Любовью незаконной
Душа томится.
Случайно обрученный
С залетной птицей.*

*Птиц и циркачек темных
В лицо не помнят.*

*Артистку полюбивший,
Смешной – взял посох.
Поверил говорившей
«Люблю!» - с подмостков.*

Пока еще есть силы,
Дом вспомни милый!

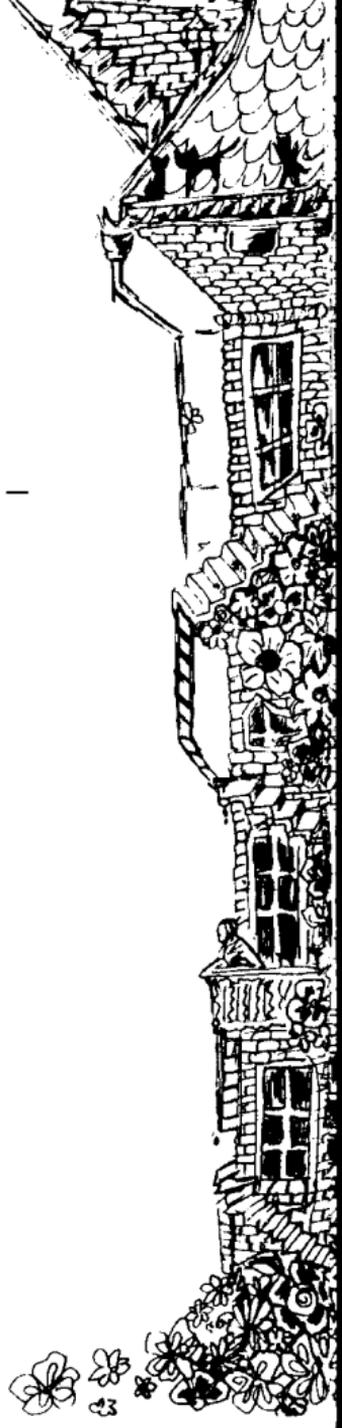
И жизнь свою, и беды,
И кем был раньше –
Все променял, все предал
За балаганчик.

Влюбленный утопился –
Пьеро родился.

Вот – новообращенный
В бродяжью веру.
Печальным нареченный
За лик и верность.

*Артисты бродячие,
За грош – представленья.
Спешите все зрячие
И чуткие к пению.*

*Спешите, спешите
И публикой будьте.
А после – простите,
Забудьте, забудьте.*

La sainte-chapelle

Под громовое пение органа
Иль лютни плачи – выше и светлей,
В канон зажатая рубиновая рана –
Еще с тех дней.

Лучи – пласты раскрашенного света -
Лежат на мордах мраморных зверей,
И вечны сцены Нового Завета
И жизни королей.

Витражный звон старинного напева –
Далекий гул – столетьям не стереть;
Когда-то здесь молилась королева
Пред тем, как умереть.

Как тонкой ручкой крест резной сжимала
И четок аметистовую нить!
«Ave Maria, -пламенно шептала. -
Как рано уходить».

А гул стоял и в вышине собора -
Аккорды векового торжества.
Терялись в сводах сложного узора
Чуть слышные слова...

...Но как до странности на ту похожа
Фигурка Девы с витража,
Которую целует ангел Божий,
Лиловым огоньком дрожа.

Птичье жесткое оперенье,
А у розы – детская кожа.
Рассыпается цепь на звенья,
Выпадает клинок из ножен.

Лепестки обжигает снегом.
Распускается поздним пеньем
Горицвет, напоенный негой,
В мире полном несовпаденья.

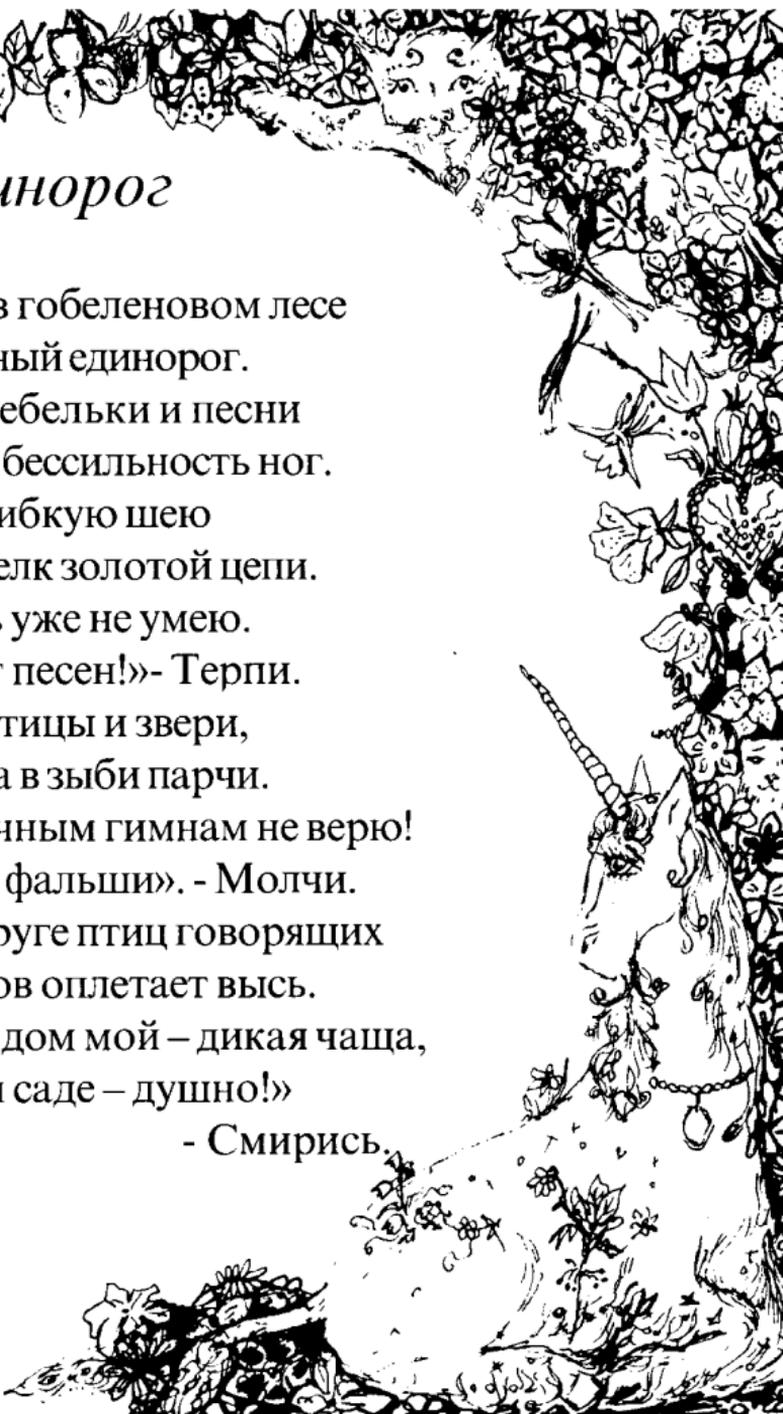
Я живу в тонкой рамке скерцо,
Я художник червонной масти.
Закипает киноварь в сердце,
Отзываясь дрожью в запястье.

Единорог

Заплутал в гобеленовом лесе
Карамельный единорог.
Оплели стебельки и песни
Снеговую бессильность ног.
Опоясал гибкую шею
Тонкий шелк золотой цепи.
«Я бежать уже не умею.
Я устал от песен!»- Терпи.
Золотые птицы и звери,
Королевна в зыби парчи.
«Я привычным гимнам не верю!
Я устал от фальши». - Молчи.
В белом круге птиц говорящих
Сеть цветов оплетает высь.
«Лес мой, дом мой – дикая чаща,
В сладком саде – душно!»
- Смирись.

Городская легенда

1

Элеонора бросилась в волны.

Элеонора.

И облака вздохом тягостным полны,

Город и горы.

Золото, жемчуг, узорные ткани

Тянут глубоко.

И исполнение тайных мечтаний

Ищет далеко.

Шпильки – на дно, локоны вьются

Средь белых лилий.

Город проснулся. Узорные бьются

Окна и шпили.

Утром узнают молодожены

Из разговоров,

Что в день их свадьбы бросилась в волны

Элеонора.

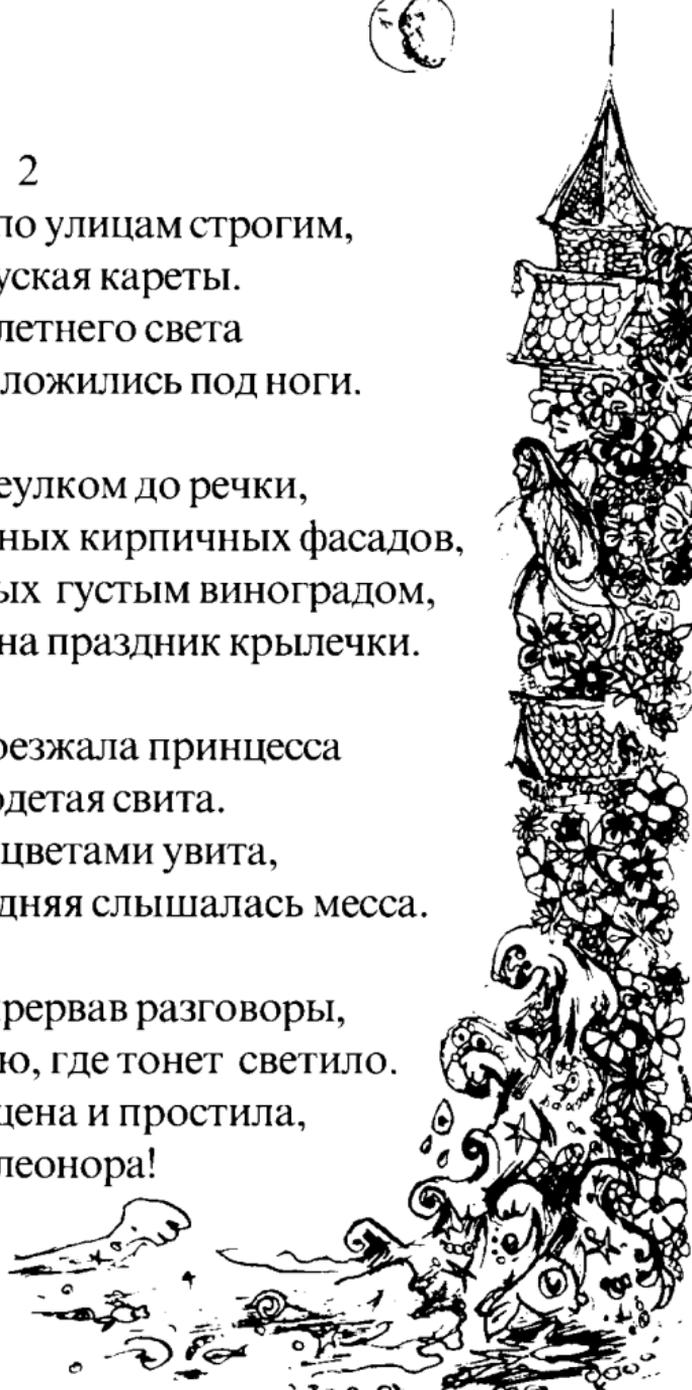
2

Мы бродили по улицам строгим,
Отходя, пропуская кареты.
И лучи ярко-летнего света
Нам покорно ложились под ноги.

А потом - переулком до речки,
Вдоль старинных кирпичных фасадов,
Сплошь увитых густым виноградом,
Нарядившем на праздник крылечки.

Мимо нас проезжала принцесса
И роскошно одетая свита.
Была лошадь цветами увита,
В церкви поздняя слышалась месса.

А под вечер, прервав разговоры,
Вышли к морю, где тонет светило.
Знаю я – прощена и простила,
Не погибла Элеонора!

Гарсия Лорка

На струне страсти и боли,
На границе крика и тиши
Пойте громче – дайте услышать
Тишину – вкус рыбацкой соли.
И пока живу под луною
Дайте мне прикоснуться к смерти,
Чтобы слаще любить земное.
Вы в покой не верьте, не верьте.
Я люблю вкус апельсина
И граната разлом багряный,
Только дайте мне черной раны,
Чтоб был чище звук мандолины.
Я найду, что всего страшнее,
Что всего больней и не проще,
Чтоб запах по весне нежнее
Белый цвет апельсиновой рощи.

Эсмиральда

В кровь исколото шпилем небо.
Город весь разбит на оконца.
Кем бы ни был, каким бы ни был, -
Я люблю. Меня слепит солнце.

Круг мой алый очерчен строго,
Я пьяна быстротой движенья.
Нежный лик золотого бога
Средь осколков воображенья.

Незнакомые кружат лица.
Я одна. Я не верю раю.
Не вздохнуть, не остановиться.
Солнце! Я за тебя сгораю!

Недвижный воздух мучим светом,
И профиль утопает в жаре.
Ресницы в огненном пожаре
Одарены далеким летом.

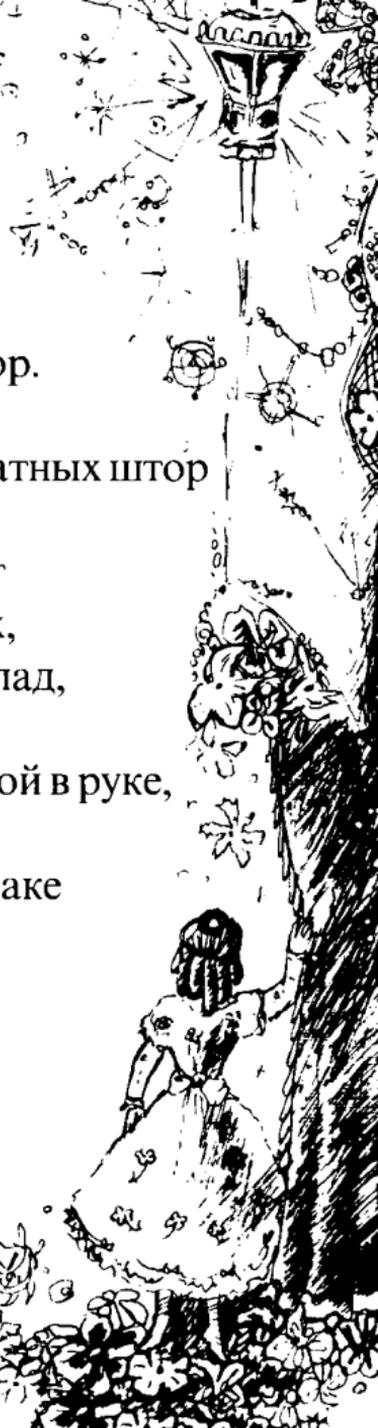
От кончиков волос хрустальных
Нимб загорается тяжелый.
В горячих лапах льва престолы
Пылают златом триумфальным.

Пылинки жгут давно знакомым,
Забытым танцем бесполезным,
И тянет в матовую бездну
Томление столетней дремы.

Лора

Тяжелый и синий молчит коридор.
Босой, в чутком скрипе паркета,
Рукой приоткрыть складки бархатных штор
На улицу звездного света.
Там блики галактик и окон горят
На острых заснеженных крышах,
И звезды, подмешенные в снегопад,
Внизу исчезают неслышно.
По шумным сугробам со скрипкой в руке,
Не узнан никем и не понят,
Чудак в бутафорском своем колпаке
Пройдет и в метели утонет.

Восход луны

Сова пролетела и небо сгустила,
День скрылся за кромкой лесной.
И рыжее плоское всходит светило
Над древней дремучей землей.
Кикиморы пляшут в болотах. Русалки
Вкруг диска ведут хоровод.
И, если мужик не вернулся с рыбалки,
Он больше домой не придет.
А в избах гадают, крестят, умирают.
Жжет травы старик над больной.
На стылом дворе глухо воет и лает,
И в окна глядит дворовой.
В лесах беспоясые стонут наяды,
Сыч кликает мутные сны.
И древние ночь совершает обряды
Пред ликом безумной луны.

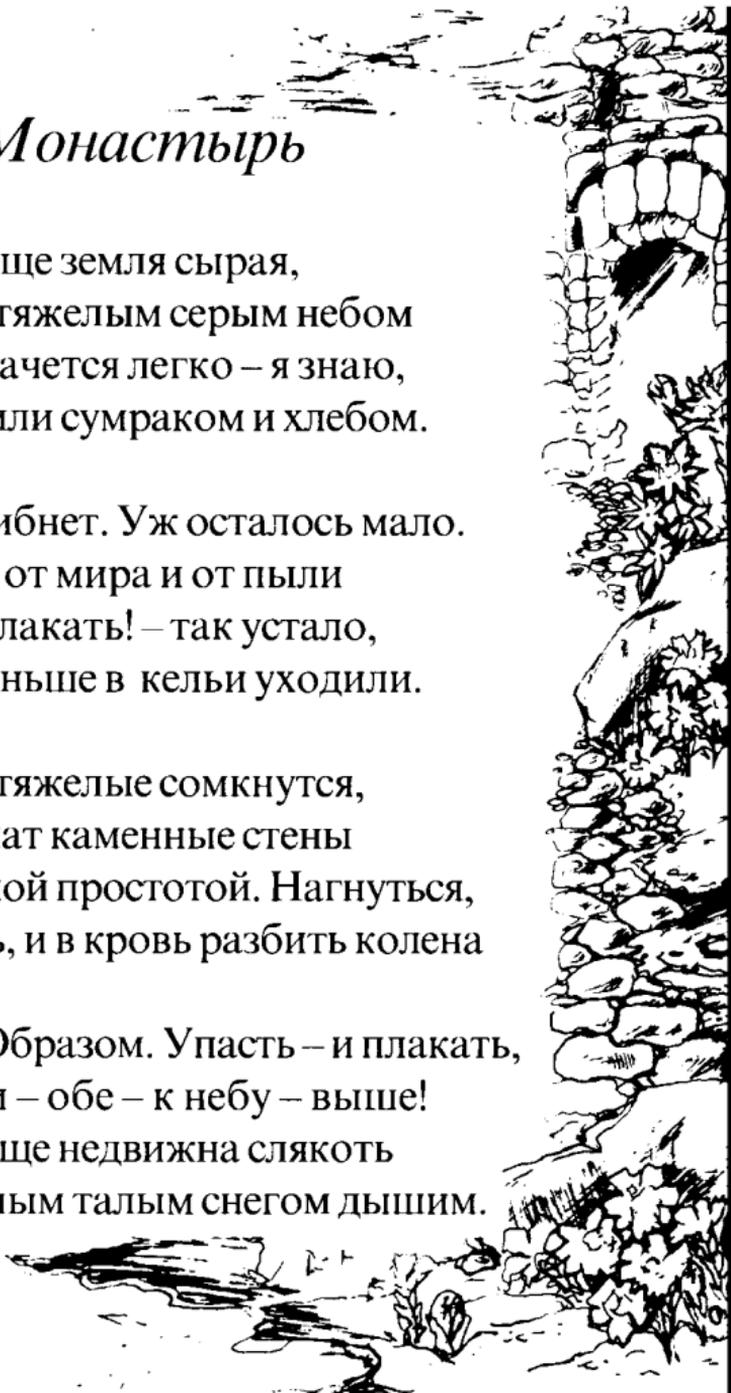
Монастырь

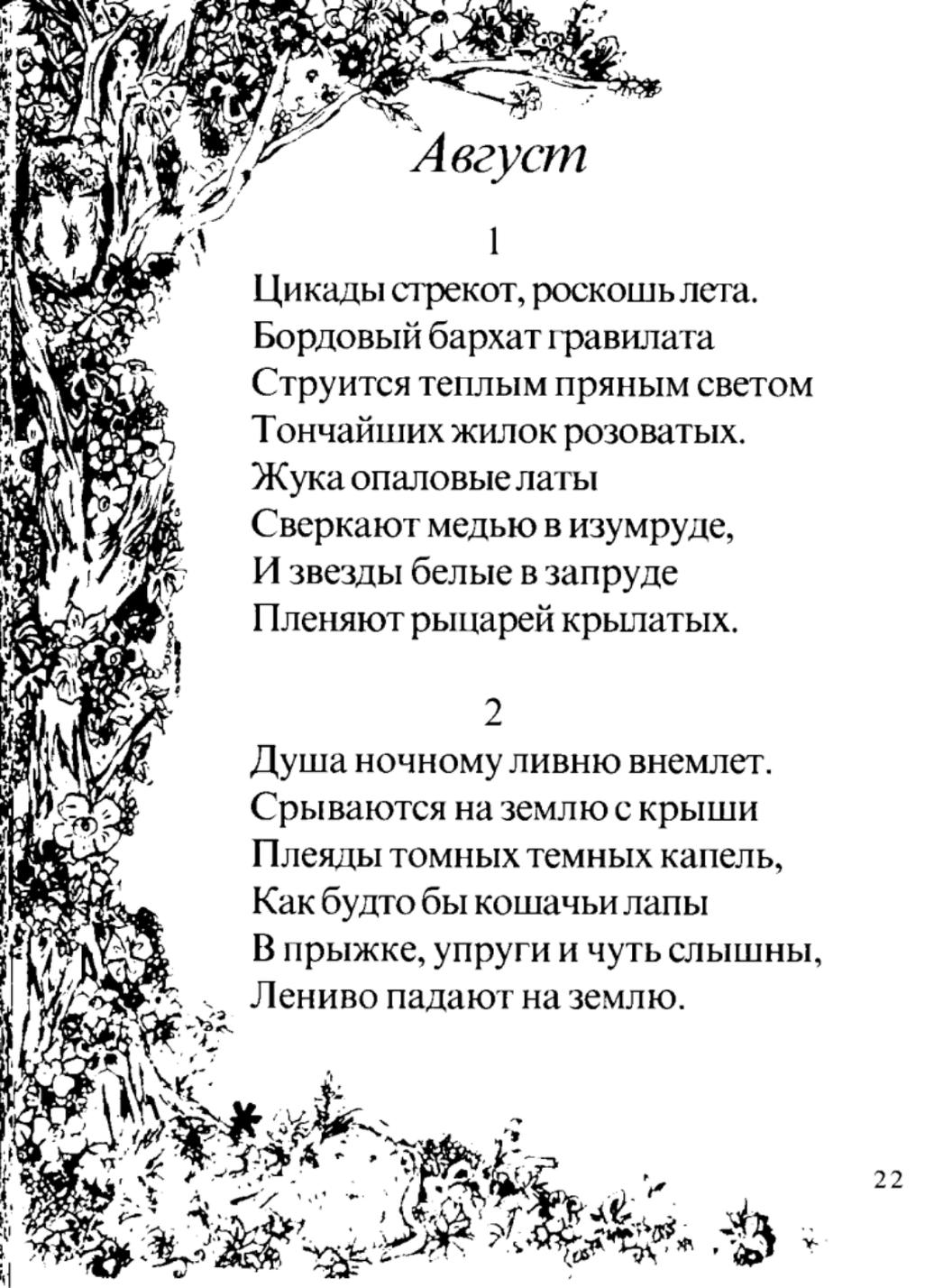
Пока еще земля сырая,
И под тяжелым серым небом
Так плачется легко – я знаю,
Как жили сумраком и хлебом.

Снег гибнет. Уж осталось мало.
Уйдем от мира и от пыли
Его оплакать! – так устало,
Как раньше в кельи уходили.

Врата тяжелые сомкнутся,
И дышат каменные стены
Звериной простотой. Нагнуться,
Упасть, и в кровь разбить колена

Пред Образом. Упасть – и плакать,
И руки – обе – к небу – выше!
Пока еще недвижна слякоть
И мутным талым снегом дышим.

Август

1

Цикады стрекот, роскошь лета.
Бордовый бархат гравилата
Струится теплым пряным светом
Тончайших жилок розоватых.
Жука опаловые латы
Сверкают медью в изумруде,
И звезды белые в запруде
Пленяют рыцарей крылатых.

2

Душа ночному ливню внемлет.
Срываются на землю с крыши
Плеяды томных темных капель,
Как будто бы кошачьи лапы
В прыжке, упруги и чуть слышны,
Лениво падают на землю.

Осень

Листок отчаянно-бордовый
Вяз обрывает в синеву,
И веток вязь не встретит снова
Свою погибшую листву.
День городской незримо тает —
Начало сумерек измерь.
А где-то но траве ступает
Печальный грациозный зверь.
Шуршащий лист немым паденьем
Тяжелой лапы заглушен,
И ветви ив прикосновенье
Сгибает в чопорный поклон.
Зрачки горят зеленой лавой,
И ветер раздувает мех.
Лес колдовской и величавый
Осенних пробует утех.
Неслышный, гордый и прекрасный,
Мглу чующий и чуждый дню,
Зверь смотрит в четкий запад красный
Вслед уходящему огню.

Полдень. Корея

Желтое небо ярко, как прежде.
Ярко везде.
Сеятель риса в белой одежде,
Ноги в воде.

Белое солнце – горящий скиталец –
Жжет небосклон.
Там, у озер, вековой живет старец,
Белый дракон.

Мудрый старик сквозь густые ресницы
Смотрит на нас.
Слышится звон. Дремлют белые птицы.
Слепнувший час.

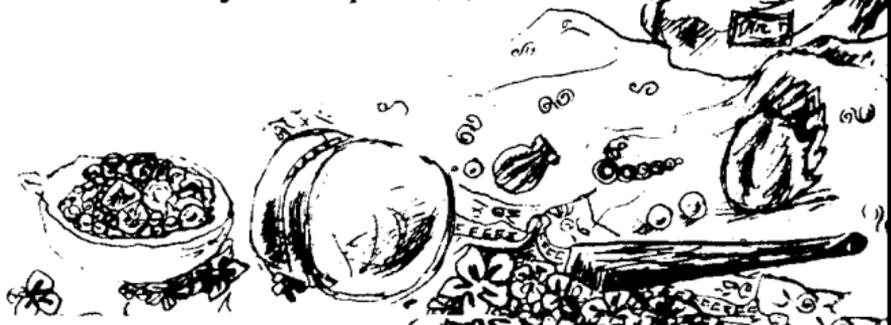

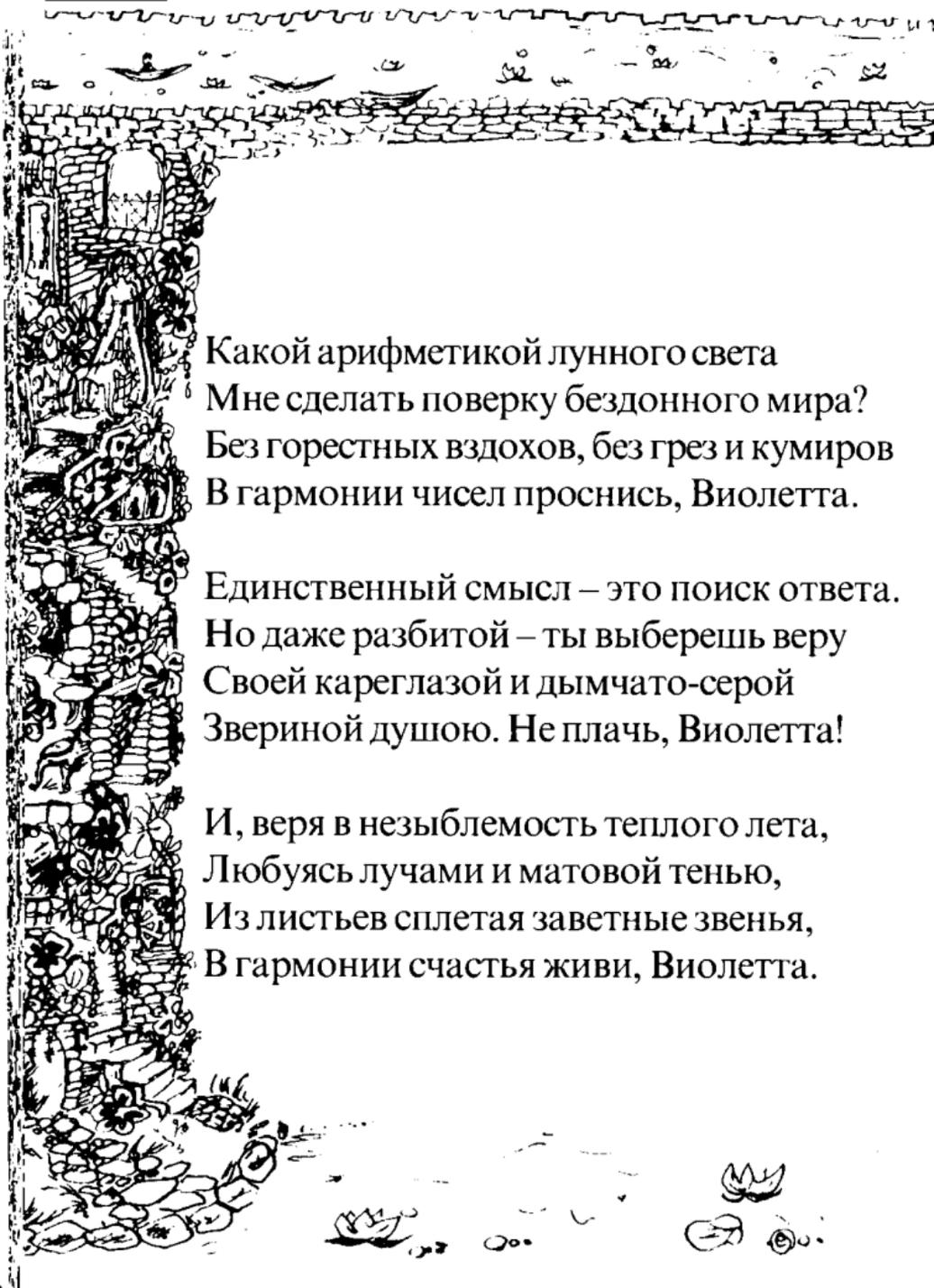
Поэту

Отражает звон ятагана
Рыже - огненный щит заката.
Капитан, слишком тверды латы,
Оглушителен бой барабана.

Было сладко мне и тревожно –
Я о кончик стрелы кололась,
Жадно слушая пряный голос.
Жаль, но больше так невозможно.

Покидаю я бриг чужой.
Вы стоите – красив и строен.
Вы останетесь – бог и воин –
Я ж пойду по дороге Джой.

Какой арифметикой лунного света
Мне сделать поверку бездонного мира?
Без горестных вздохов, без грез и кумиров
В гармонии чисел проснись, Виолетта.

Единственный смысл – это поиск ответа.
Но даже разбитой – ты выберешь веру
Своей кареглазой и дымчато-серой
Звериной душою. Не плачь, Виолетта!

И, веря в незыблемость теплого лета,
Любуясь лучами и матовой тенью,
Из листьев сплетая заветные звенья,
В гармонии счастья живи, Виолетта.

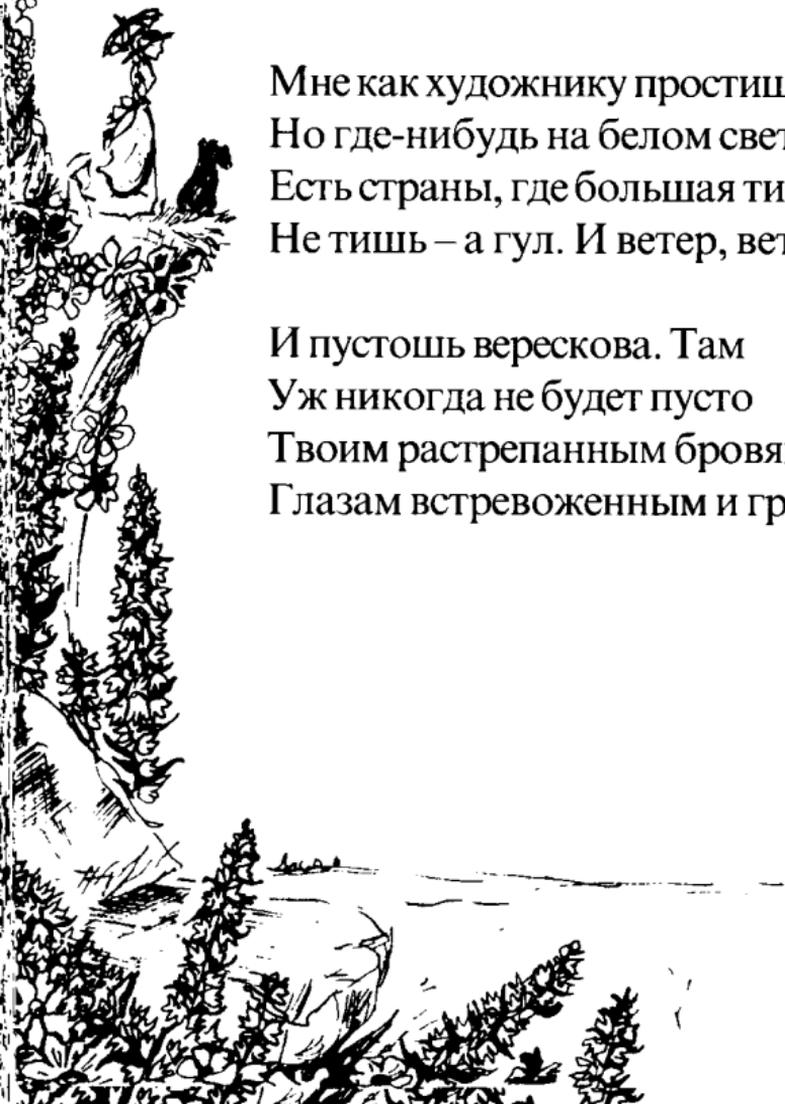
Намокают ресницы —
Золотистые стрелы.
Те же милые лица
В мире черном и белом.
Только снежной метели
Между век места мало.
Стрелы в солнце летели,
Да разбились о скалы.

Мне как художнику простишь,
Но где-нибудь на белом свете
Есть страны, где большая тишь.
Не тишь – а гул. И ветер, ветер...

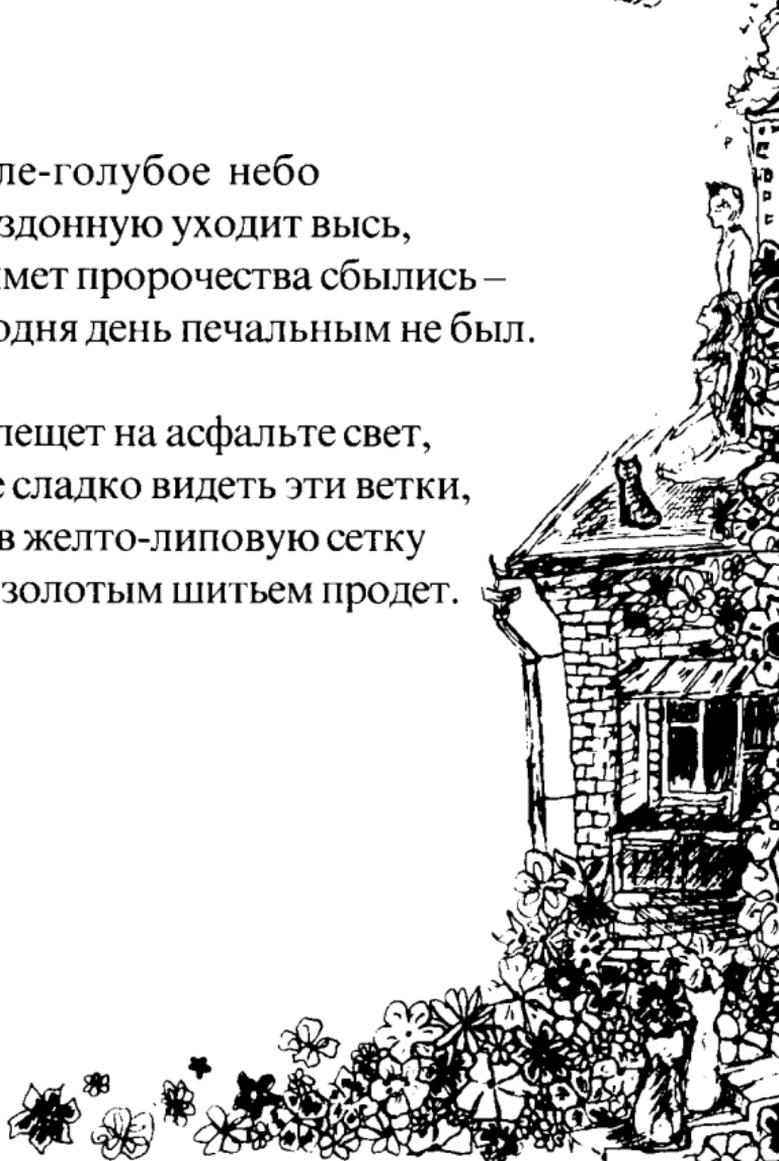
И пустошь верескова. Там
Уж никогда не будет пусто
Твоим растрепанным бровям,
Глазам встревоженным и грустным.

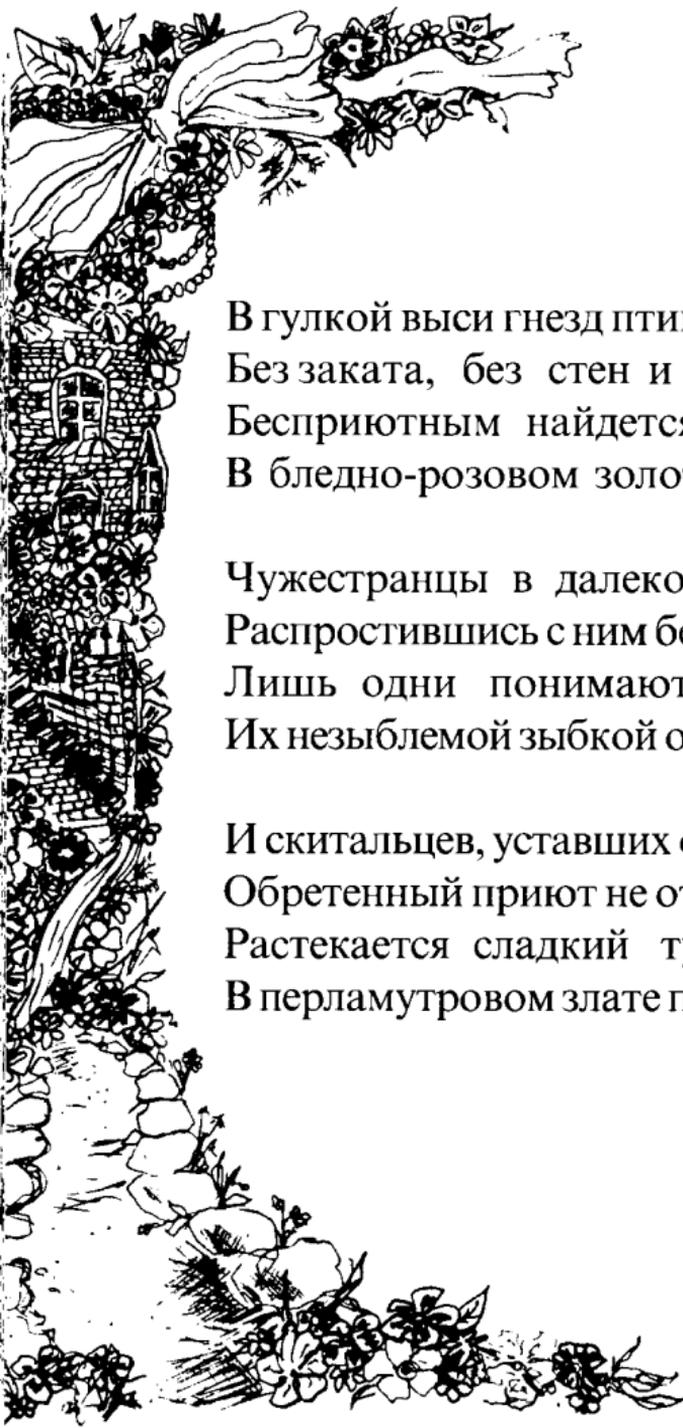

Вуале-голубое небо
В бездонную уходит высь,
Примет пророчества сбылись –
Сегодня день печальным не был.

Трепещет на асфальте свет,
Мне сладко видеть эти ветки,
Где в желто-липовую сетку
Луч золотым шитьем продет.

В гулкой выси гнезд птицы не вьют.
Без заката, без стен и без хлеба
Бесприютным найдется приют
В бледно-розовом золоте неба.

Чужестранцы в далеком миру,
Распростившись с ним без укоризны,
Лишь одни понимают игру
Их незыблемой зыбкой отчизны.

И скитальцев, уставших от ран,
Обретенный приют не отринет.
Растекается сладкий туман
В перламутровом злате пустыни.

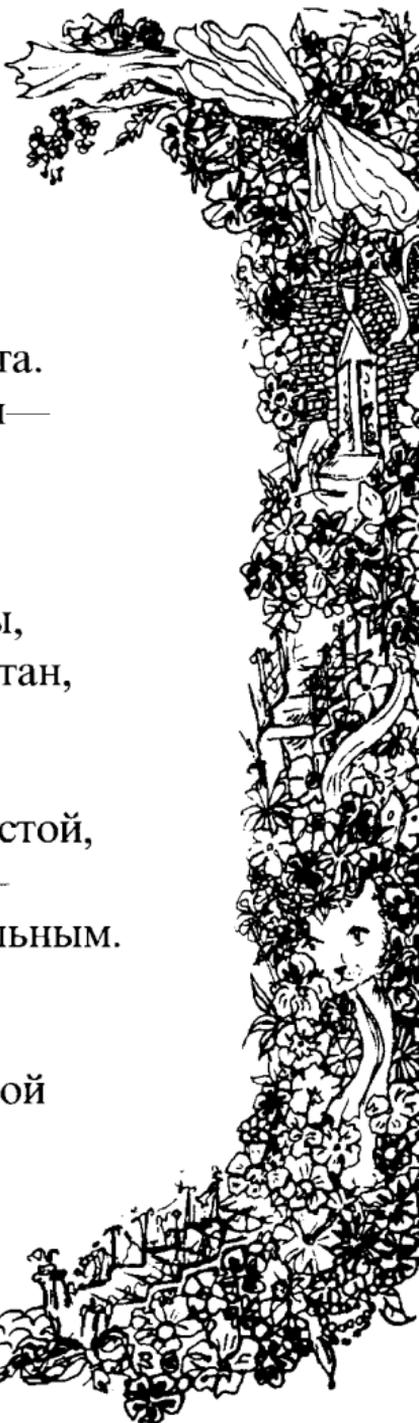
Сонет

Душа изгнанника полна
Все вечным поиском приюта.
Года сбиваются в минуты—
Печаль ума всегда одна.

Как беспокойная луна
С лунатика не снимет пути,
Так рыцарь, в сумерки окутан,
Не отречется ото сна.

Тот мир безбольный и простой,
Что создан разума игрой—
Он воплощен, он стал реальным.

И расстилается плато
Пред рыцарем. И щит золотой
Играет небом зазеркалья.

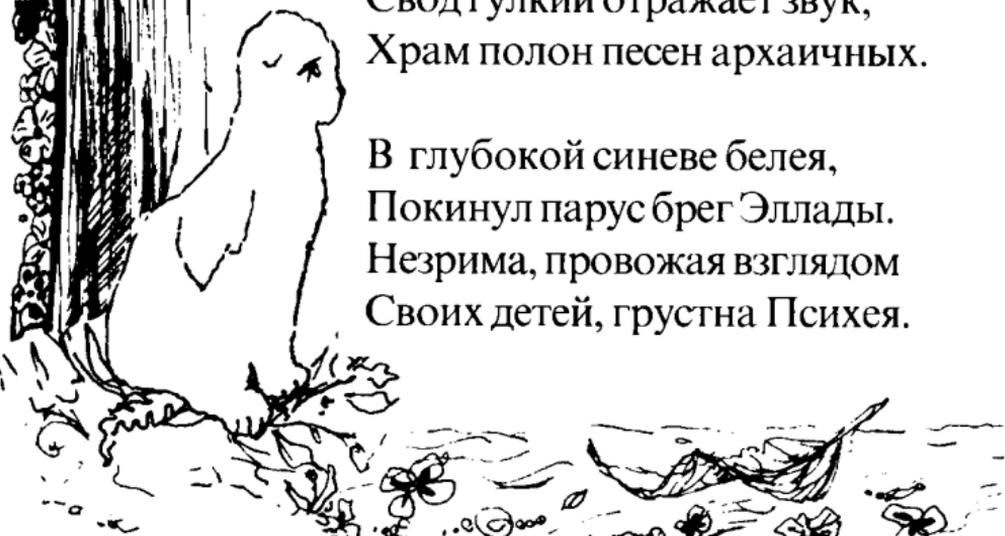
Психея

1

Хрустальный день еще так ярок —
Он тем же солнцем освещен,
Что стройные ряды колонн,
Античные системы арок.

И формы строгой и ритмичной
Ложится свет на кисти рук,
Свод гулкий отражает звук,
Храм полон песен архаичных.

В глубокой синеве белея,
Покинул парус брег Эллады.
Незрима, провожая взглядом
Своих детей, грустна Психея.

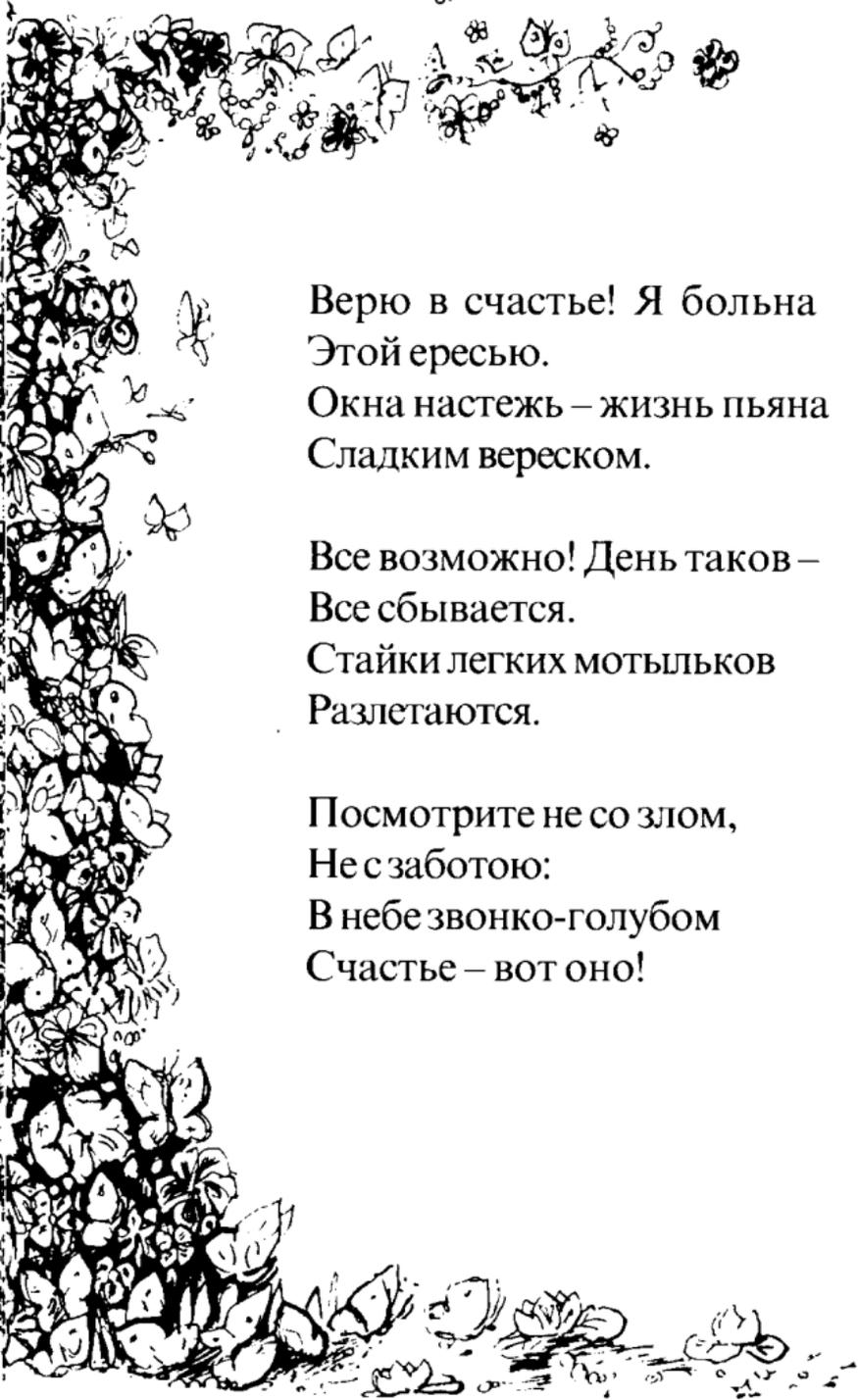

2

Воздух полон синевою,
Тихих вздохов акварельных,
Слов прощанья неподдельных
Пред грядущею зимою.

Ветви желтый лист роняют
В голубую дня прохладу.
Желтый парус покидает –
Навсегда – брега Эллады.

Верю в счастье! Я больна
Этой ересью.
Окна настежь – жизнь пьяна
Сладким вереском.

Все возможно! День таков –
Все сбывается.
Стайки легких мотыльков
Разлетаются.

Посмотрите не со злом,
Не с заботою:
В небе звонко-голубом
Счастье – вот оно!

Котенком дымчатым печаль
Согреется в пурге безбрежной –
Так, фиолетовый и снежный,
В ладони падает февраль.

Так поднимается душа
По белым нитям снегопада,
Окидывая город взглядом,
В орбитах фонарей кружа.

И мне мерещится земля
В жемчужных ожерельях лилий
И все, что мне наворожили
Седые книги января.

Бежать, бежать!

Не в мед волшебной сказки
И не в старинный лондонский туман,
А в Зурбаган, боясь случайной ласки,
Бежать к горячим скалам диких стран.

Пока еще не боязно и ново,
И я сумею ветру супротив
Стоять. Порвав цепочку слова –
Хочу смеяться и любить обрыв.

О, научи спокойно видеть лица!
Быть гордой, твердой, не сугулить плеч.
И буду я прилежной ученицей,
Послушной и приятной станет речь.

Уж март весною очарован
И солнцем тешится земля.
А мне сегодня был дарован
Еще денечек февраля

И ломкость лип, и в них – граненый
Жемчужно-серый свод небес.
И воздух, снегом напоенный,
Решенье пробует на вес,

Как я на вкус. Средь белой взвеси
Иду вперед белым бела.
Мне выпадает холод песен
И жесткость птичьего крыла.

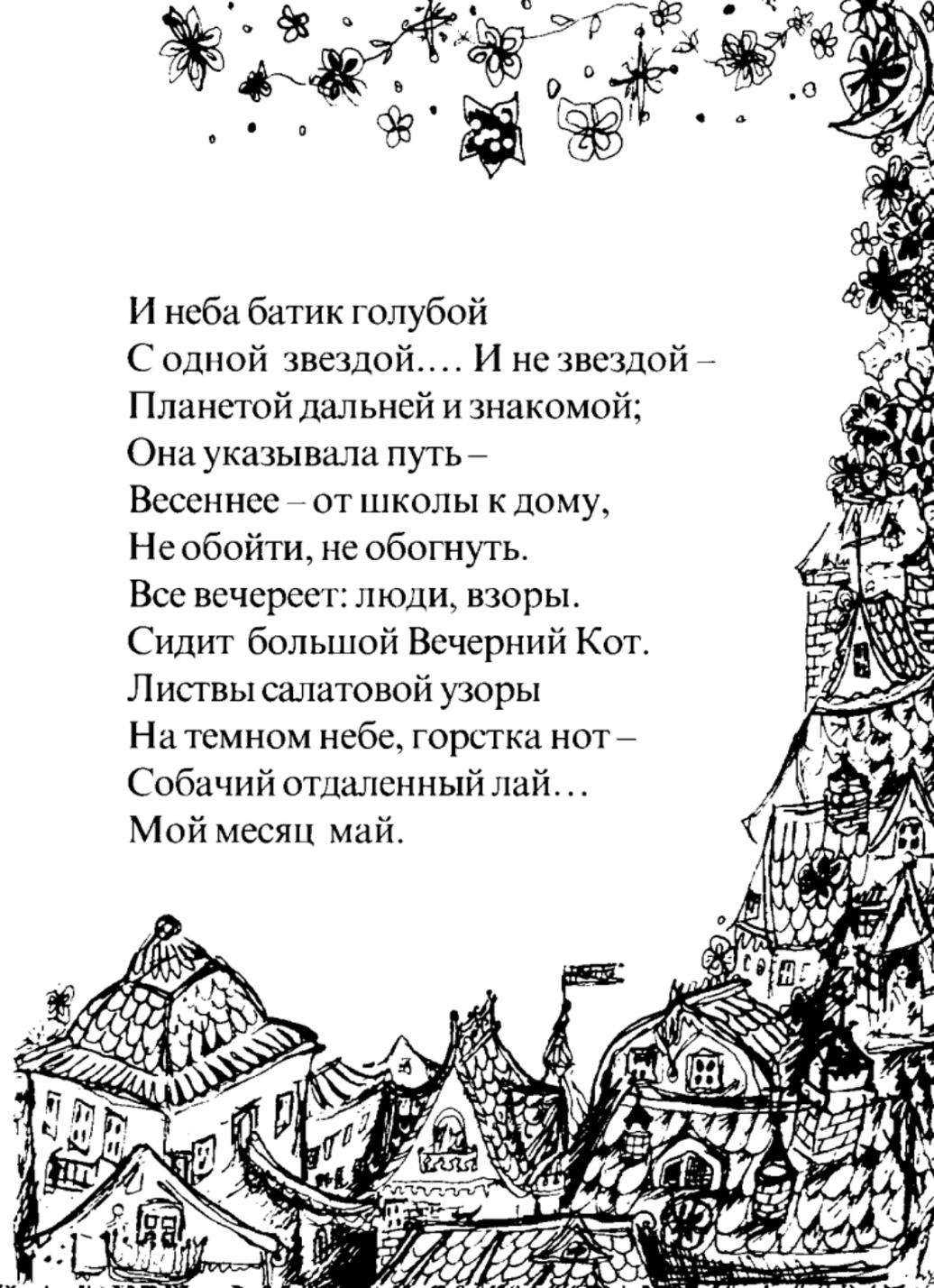

Лошадь Лаврентьевых

Лошадь в сутолоке придорожной
В слякоти городской. Прохожий
Крошит взьерошенным птицам луны.
Лошадь проходит – белой и юной
Страницей. Мир перевернут счастьем.
Дом покосился бубновой масти.
Кошки на крышах слагают вирши,
А ей не слышно.
Ей – иди по свету –
Искать лето.

И неба батик голубой
С одной звездой.... И не звездой –
Планетой дальней и знакомой;
Она указывала путь –
Весеннее – от школы к дому,
Не обойти, не обогнуть.
Все вечереет: люди, взоры.
Сидит большой Вечерний Кот.
Листвы салатовой узоры
На темном небе, горстка нот –
Собачий отдаленный лай...
Мой месяц май.

Витые кольца на руках
И коридоры древних зданий,
Цепь бесконечных опозданий
И вечный пламень в облаках.

Дыханье через сотню лет,
Следов и мыслей совпадение,
Пустой условности значенье,
Здесь тьма была, здесь был и свет.

Огромный византийский трон
И златокудрый принц трехлетний.
Присяга царству тем заветней,
Что ангел в пурпур облачен.

И тем больше ранит звон,
И тем нежнее жизнь предвижу,
Что старше, верно, не увижу
Того, кто в темный век рожден.

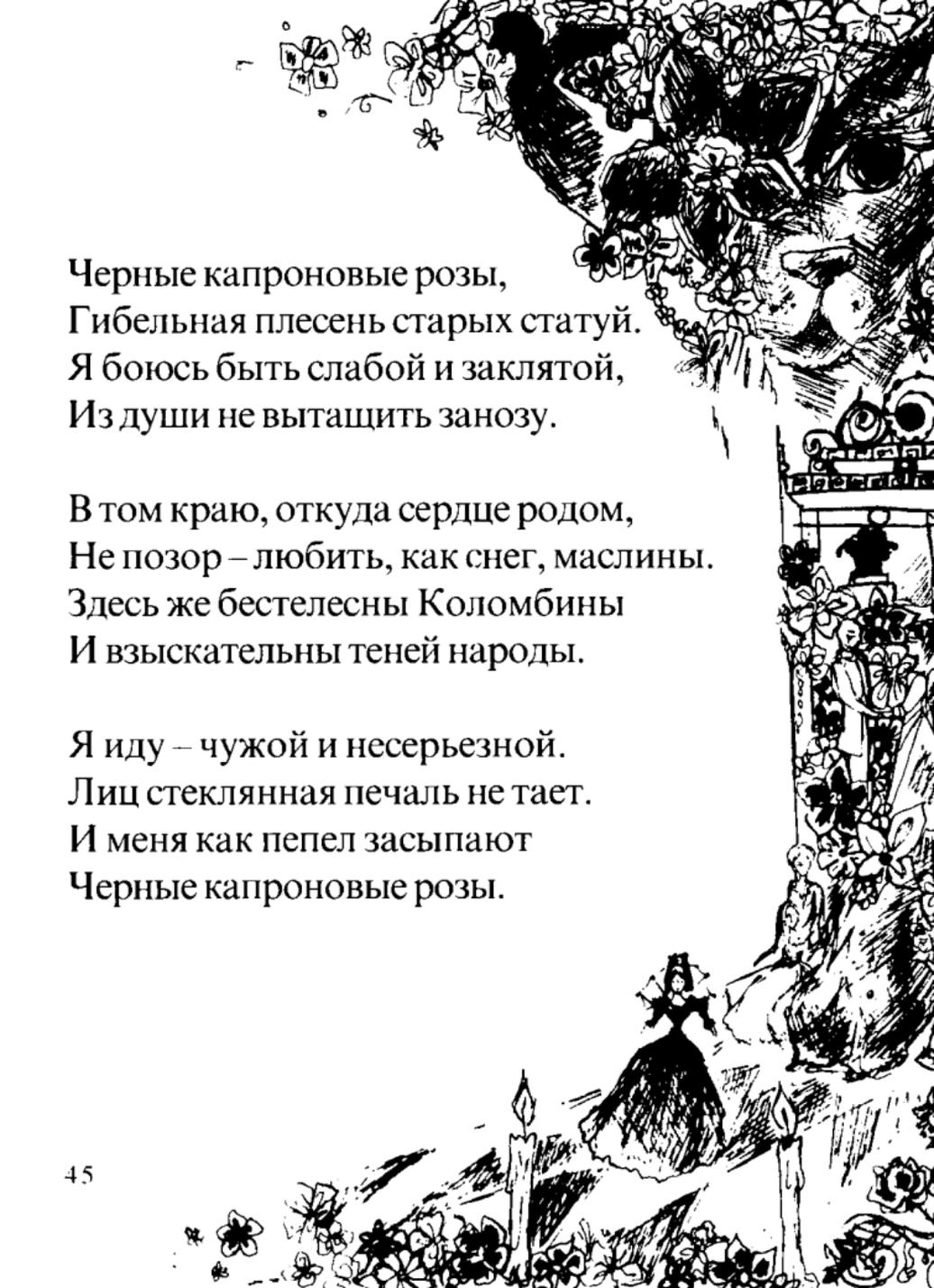
Мне ничего не нужно.
Морозный звон переулков
Наполнил каменный кокон
Города серых зданий.

Вода замерзает в жилках,
Изломы горькие липы,
Изломы голые улиц,
Изломы гордые камня.

Руки белее снега,
Кровь холоднее неба,
Сердце вернее камня,
Вечного камня статуй.

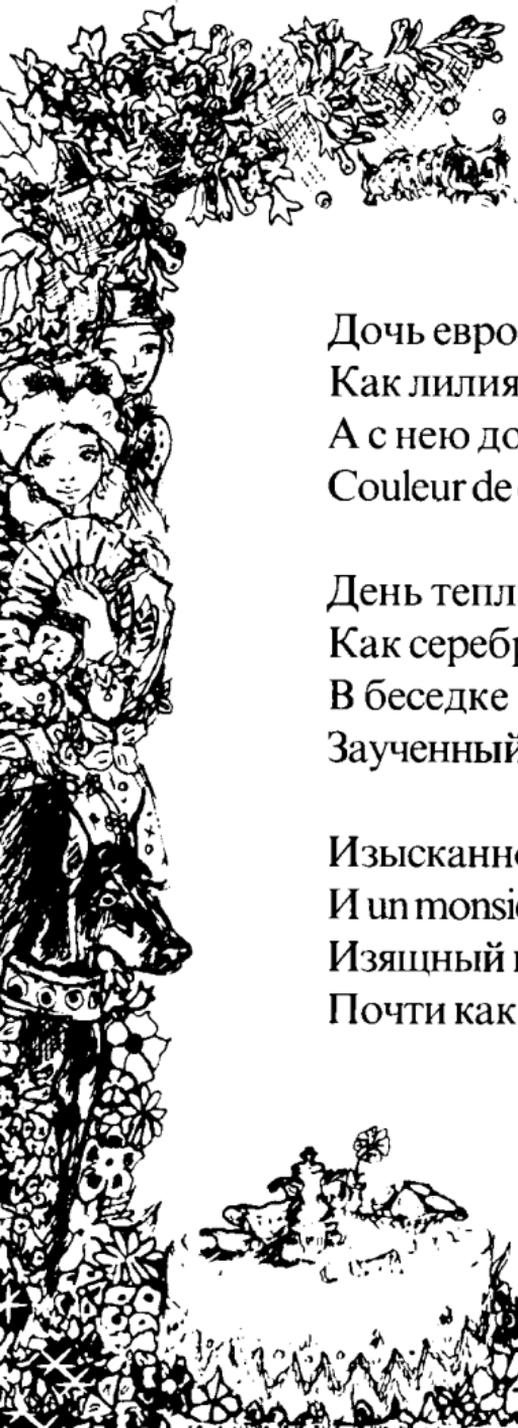
— Кувшинки прозрачный венчик
Раскроется на ладони.
Томится литой бубенчик,
И ждут у парадной кони.
Богемский хрусталь бокала,
Еловая колкость шпаги.
Горят точки свеч средь бала
И роз из цветной бумаги.
Миндальных маркиз и странниц
Оркестр в бальный зал уронит.
Танцуют старинный танец
В раскрытых моих ладонях.

Черные капроновые розы,
Гибельная плесень старых статуй.
Я боюсь быть слабой и заклятой,
Из души не вытащить занозу.

В том краю, откуда сердце родом,
Не позор – любить, как снег, маслины.
Здесь же бестелесны Коломбины
И взыскательны теней народы.

Я иду – чужой и несерьезной.
Лиц стеклянная печаль не тает.
И меня как пепел засыпают
Черные капроновые розы.

Дочь европейских стран
Как лилия бела.
А с нею доберман
Couleur de chocolat.

День теплый вечерел
Как серебристый сон.
В беседке ив звенел
Заученный chanson.

Изысканность манер
И un monsieur charmant –
Изящный кавалер,
Почти как доберман.

Поход

Так, не зная желаний и боли, восторга и плача,
Идеальны без вечного поиска истин, храбры
без турниров
Благородные лорды живут в своем травами
замкнутом мире.

Победители времени, гордо воспетые в качах.
Белоснежные перья качаются томно и мерно.
Перламутром сверкают на солнце доспехи
хитиновой стали.

Исполняя обет, чтя заветы нетленных скрижалей,
Арчибальд собирается в путь неуклонно и верно.
В злато-розовом небе тревожно заходит светило.
Арчибальд вслед ему правит лошадь на запад
не ради забавы.

И, готовясь к сраженью, копьём пригибая
упругие травы,
Чует соков зеленых и в сердце и в разуме силы.

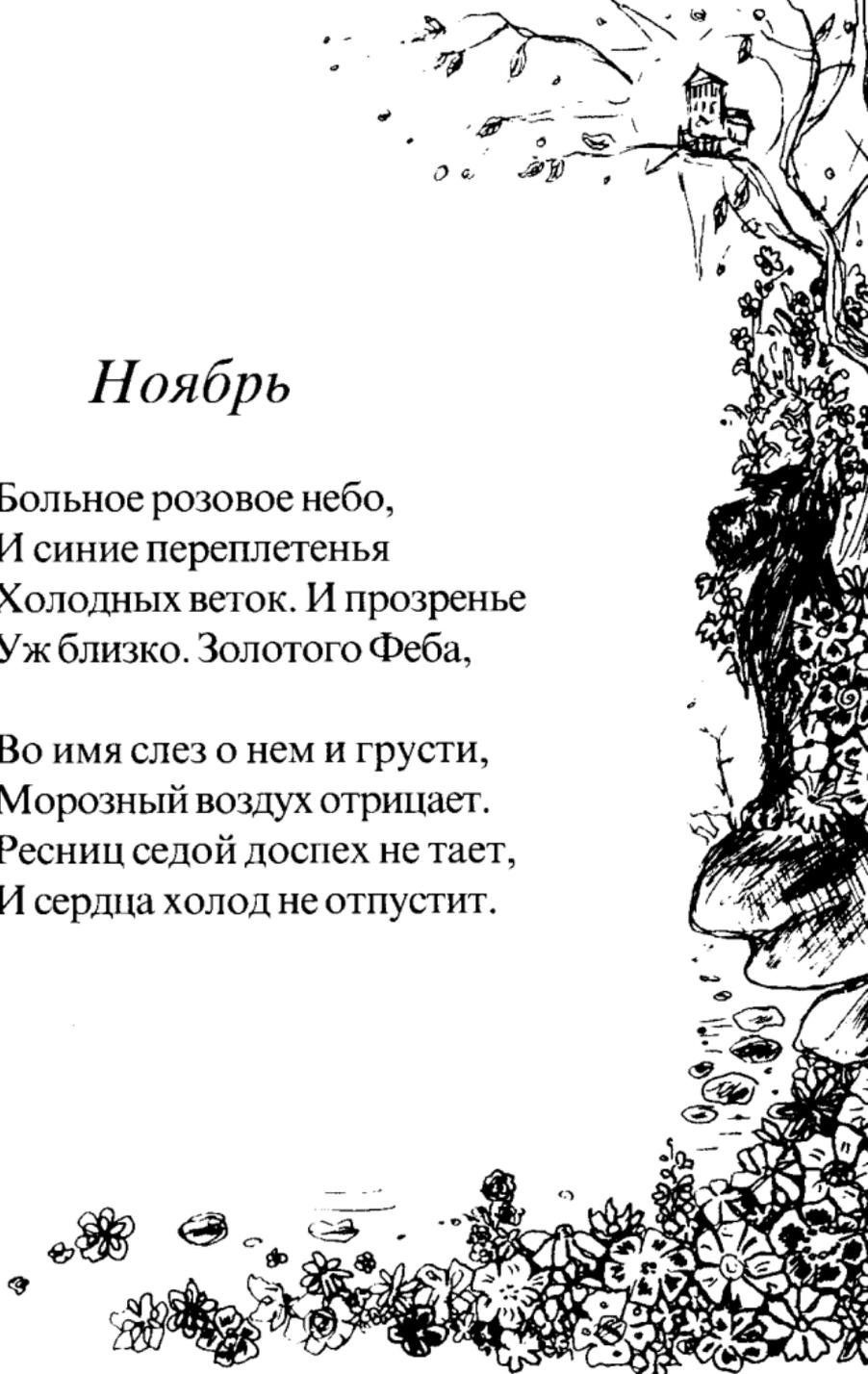
Песочные часы

И летит тяжелый песок
На лилею.
Хрупок стебель. Недолог срок.
Не успею!

Ноябрь

Больное розовое небо,
И синие переплетенья
Холодных веток. И прозренья
Уж близко. Золотого Феба,

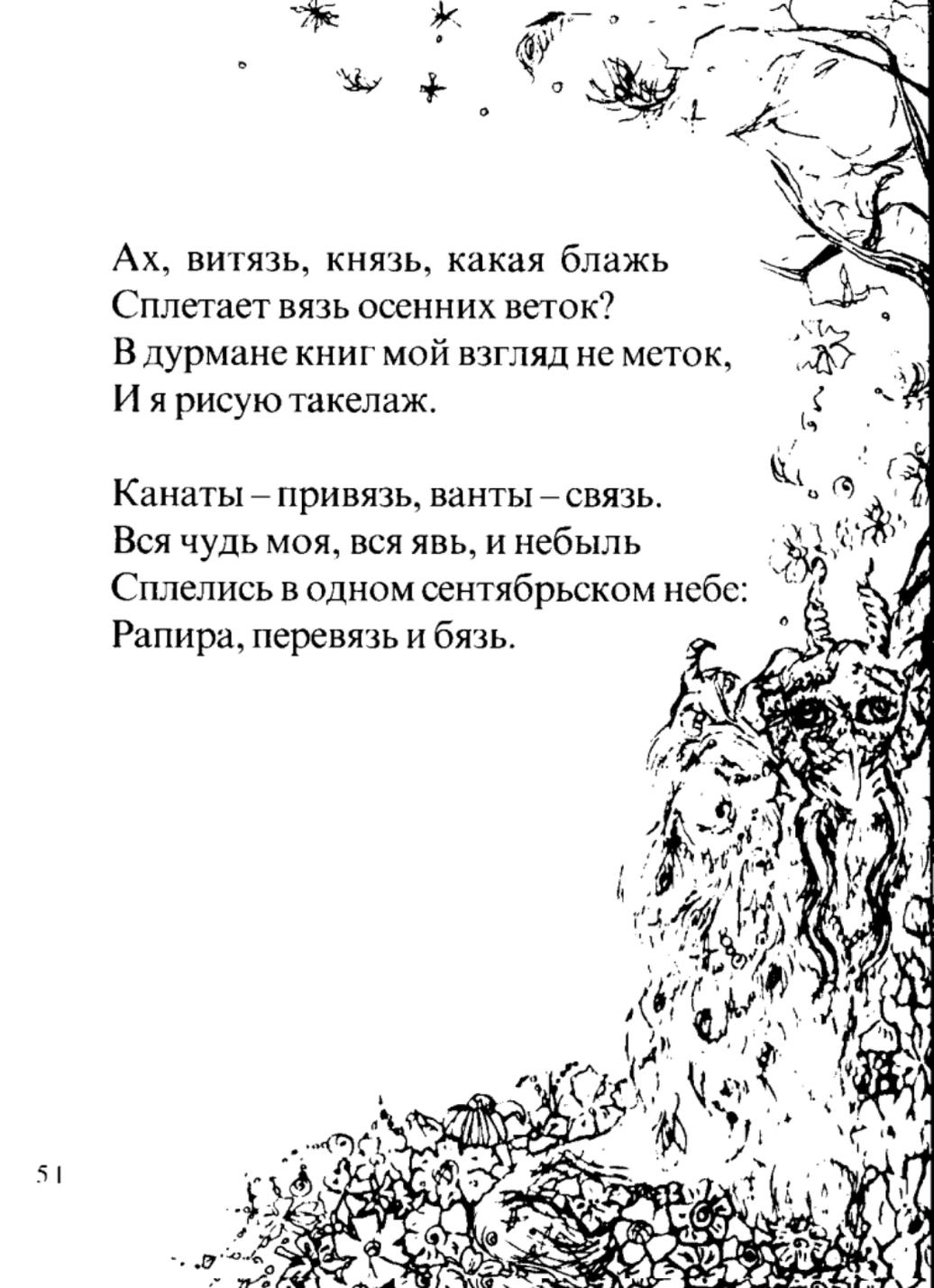
Во имя слез о нем и грусти,
Морозный воздух отрицает.
Ресниц седой доспех не тает,
И сердца холод не отпустит.

Гадаю на ромашкин нечет.
А может, ничего не значит
Листвы собравшееся вече,
Отсчет до сумерек не начат?

Очерчена шуршащей речью,
И дымом палевым смеркаясь,
Тропа уводит в вечный вечер.
И листья ропщут, рассыпаясь.

Ах, витязь, князь, какая блажь
Сплетает вязь осенних веток?
В дурмане книг мой взгляд не меток,
И я рисую такелаж.

Канаты – привязь, ванты – связь.
Вся чудь моя, вся явь, и небыль
Сплелись в одном сентябрьском небе:
Рапира, перевязь и бязь.

Колыбельная

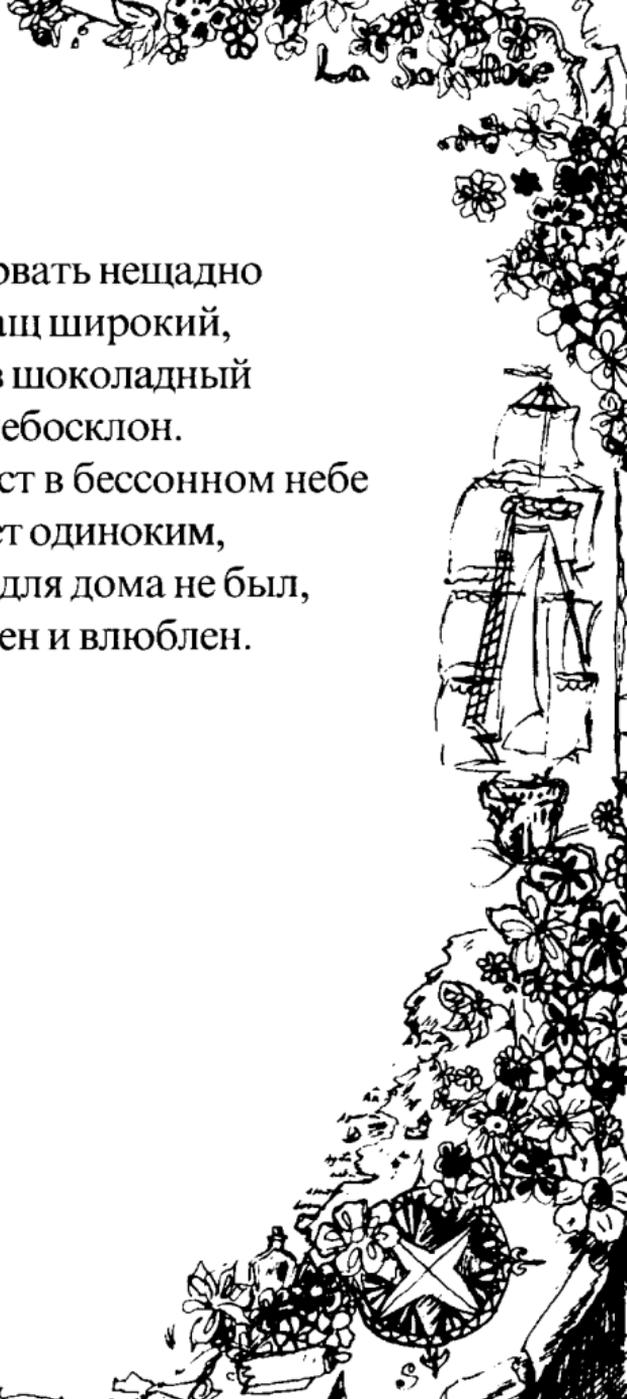

Золотые волны бьются
В тонкий мыс старинной карты,
И русалки вострепнутся,
Позовут корабль на море.
Если будет самым гордым,
Самым верным и прекрасным,
Капитан рукою твердой
Уведет корабль от горя.

Если будет самым грустным,
Но решительным и смелым,
То рожденную искусством,
Свою рыжую мадонну,
На бушприте бригантины
Он прославит ратным делом,
Как прекрасных дам старинных,
Обладательниц короны.

Будет ветер рвать нещадно
Паруса и плащ широкий,
Будет остров шоколадный
Уходить за небосклон.
Южный крест в бессонном небе
Путь покажет одиноким,
Кто рожден для дома не был,
Кто прекрасен и влюблен.

Лоцман

Отвергнутой нежности пламя
Он взял с собой компас и шпагу.
А воздух кружил под ногами
Пыльцу и цветную бумагу.
Шумел в парусах южный ветер,
Выхлестывал злую обиду.
...А бриг уходил на рассвете
Из Лондона в Аделаиду.
И с первой рассветной иглою
В тумане лучисто-лиловом
Мальчишка, гонимый мечтою,
Покинул свой город портовый.

Плыл парусник ночью безлунной,
Ведомый полночной звездой.
А лоцман был бледный и юный,
Но знающий дело морское.

Капитан

Он смуглый – от южного света,
Он знает все карты и страны.
В ответ на вопросы поэта
Сказал он, что нет Зурбагана.
«Зачем же мы путь трудный держим,
И глаз не смыкает дозорный?»
- Чтоб в порт Санта-Рос без задержки
Доставить кофейные зерна.
«А буря?» – Знай, долг морехода –
Справляться с погодой любой.
Запомни: есть ум и свобода.
«А дружба?»
– Да, наша с тобою.

Звездочет

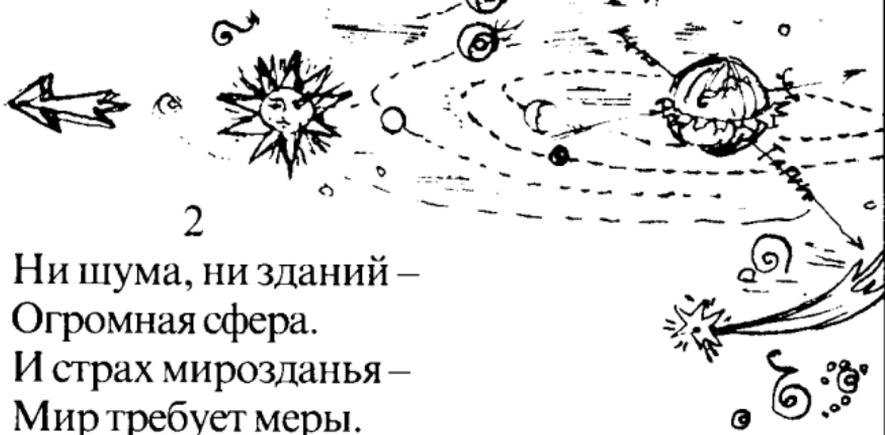
1

Пронзительны лучей изломы.
В Огромном Хаосе Забытый,
Как будущие астрономы,
Считает радиус орбиты.

Вдыхая звезды, ждет заранее
Погибели земного чуда.
Но оторвать свой взгляд оттуда
Больнее прочих наказаний.

И, веря в невозможность тлена,
В бессмертье духа и обряда,
Он смотрит вверх самозабвенно
На неизменные Плеяды.

2

Ни шума, ни зданий –
Огромная сфера.
И страх мироздания –
Мир требует меры.

Узнать бы и где бы
О жизни сей бренной.
Взглянуть бы на небо –
Да страшно вселенной.

Под небом, под дымом
По миру скитайтесь.
Жизнь непостижима –
Понять не пытайтесь.

Закройте руками
Глаза и сознание.
Все просто – мы с вами
Одни в мироздании.

Предновогоднее

Пушистым снегом одари!
Синеют улицы и крыши,
И просыпаются неслышно
Сиреневые фонари.

Огромный белоснежный пес
Неудержимо звонко лает,
Его сестрица примеряет
Браслеты из атласных роз.

Олень в безумной спешке скачет
В резные сани запряжен,
И скоро серебристый звон
Час полуночи обозначит.

Разговор у ёлки

«Лора, видишь, там на ветке
Что-то в шарике искрится?»
-Твои рыжие ресницы
И медовые конфетки.
«Фиолетовые крыши
На лице моем – забрало...»
-Это старый замок в скалах.
Там сегодня бал, ты слышишь?
«Что же в замке том таится?»
-Горные трудны дороги,
Там в саду – единороги
И немислимые птицы.
«Лора, Лора, в лес безбрежный
Попадем? Конь настоящий?»
- В золотой лиловой чаше
Ждет тебя твой Белоснежный.
«Точно знаешь, не обманешь?»
-Нынче мир лишится рамок.
Полетим в миндальный замок,
Рыцарем отважным станешь.

2001

Синел в снежинках зимний
вечер

Горели свечи. И на плечи
Ложилась звездная вуаль.

«Не жаль,

не жаль,

не жаль,

не жаль»,—

Звенел хрусталь.

Замолкли речи.

Бьёт колокол 12 раз:

«Наш — час — был — мил —

Наш — век — в цве — тах —

Снег — снов — век — нов».

СОДЕРЖАНИЕ

«Я нарисую мраморного дога...»	4
«И будет лик прекрасный светел...»	5
«И снова мы проходим мимо...»	6
Пьеро	8
La sainte-charelle	10
«Птичье жесткое оперение...»	12
Единорог	13
Городская легенда	14
Гарсия Лорка	16
Эсмиральда	17
«Недвижный воздух мучим светом...» ..	18
Лора	19
Восход луны	20
Монастырь	21
Август	22
Осень	23
Полдень. Корея	24
Поэту	25
«Какой арифметикой лунного света...»	26
«Намокают ресницы...»	27
«Мне как художнику простинь...»	28
«Вуале-голубое небо...»	29
«Судьба бывает ренена...»	31
«В гулкой выси гнезд птицы не выют...»	32
Сонет	33
Психея	34

«Верю в счастье!..»	36
«Котенком дымчатым печаль...»	37
«Бежать, бежать!..»	38
«Уж март весной очарован...»	39
Лошадь Лаврентьевых	40
«И неба батик голубой...»	41
«Витые кольца на руках...»	42
«Мне ничего не нужно...»	43
«Кувшинки прозрачный венчик...»	44
«Черные капроновые розы...»	45
«Дочь европейских стран...»	46
Поход	47
Песочные часы	48
Ноябрь	49
«Гадаю на ромашкин нечет...»	50
«Ах, витязь, князь...»	51
Колыбельная	52
Лоцман	54
Капитан	55
Звездочет	56
Предновогоднее	58
Разговор у елки	59
2001	60

Е.Ф.Югай

**Ю 15 Сиреневый лес: Стихотворения. Рисунки / Лета Югай,
[Рис. автора]. - Вологда; Кн. наследие, 2001. - 64с.: рис.**

«Сиреневый лес» - вторая книга стихов и рисунков шестнадцатилетней Леты Югай. В обрамлении цветов и зверей открывается поэтический мир юного автора. Первый сборник «Паж» был выпущен в 1999 году.

84 (2Рос-Рус) 6

ЛЕТА ЮГАЙ
(Елена Федоровна Югай)
Сиреневый лес
Стихотворения. Рисунки

Редактор *Е. А. Югай.*
Корректор *Т. Л. Шишигина.*
Оформление, компьютерная верстка автора.

Подписано в печать 14.08.01. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага мелованная. Уч.изд.л. 3,03. Тираж 500 экз. Заказ № 1636.

Издательство «Книжное наследие» Вологодской областной универсальной научной
библиотеки имени И.В.Бабушкина
160000, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 1

Отпечатано в типографии АО «ВКК». 160026, г. Вологда, ул. Пресображенского, 28.
Лицензия № 040350 от 12.02.97 г.

